

Екатерина Фролова

Наследник
Фролотов

16+

Екатерина Фролова
Наследник Афродиты

«ЛитРес: Самиздат»

2008

Фролова Е.

Наследник Афродиты / Е. Фролова — «ЛитРес: Самиздат», 2008

Майе Козловой хронически не везёт в любви. Как только потенциальные кавалеры узнают, что у молодой и красивой женщины есть восьмилетний сын, тут же пускаются наутёк. И так было всегда. Но не в этот раз. Похоже, красавца Виктора не смущает наличие у его избранницы ребёнка. Более того, он уже готов жениться и усыновить мальчика. "Это неспроста", - говорит Майе лучшая подруга Светка Антонова, и женщины приступают к выяснению истинной причины, по которой Виктор хочет жениться на Майе.

Содержание

I	5
II	9
III	13
IV	18
V	22
VI	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

I

Рабочий день подошёл к концу, подошла к концу и рабочая неделя. А это значило, что ничего путного мне сегодня домой притащить не удастся. Оглядевшись по сторонам, я обнаружила всего-навсего два пирожка, оставшихся от обеда. Ну, ничего, хотя бы их возьму, всё как-то приятнее, чем приходиться домой с пустыми руками.

Я сняла с себя фартук, накинула куртку и, распрощавшись с товарками, отправилась домой.

Солнышко лениво сползло к горизонту, весенний ветер путал мои волосы, а на остановке собралось целое скопище народу. Отвратительно, теперь ещё придётся ехать в этом чёртовом автобусе, прижатой к треснувшему стеклу. Ненавижу толпу, ненавижу автобусы, в которых почему-то выхлопные газы всегда оказываются в салоне.

Я подождала, пока уедет основная масса людей, из-за чего пропустила четыре «газельки», два «пазика» и один троллейбус, и только потом уже поехала домой. Мне удалось найти свободное место (правда, оно было установлено над самым колесом). Я кое-как забралась на него, подпёрла коленками подбородок и стала смотреть в окно.

Весна, весна, такое чудное время года, когда душа просится на волю и тянет на любовные приключения. Чуть-чуть любви мне, по всей видимости, не помешало бы. Может быть, тогда я перестала бы быть такой занудной пессимисткой и сумела бы посмотреть на мир иными глазами. Любовь преображает, любовь окрыляет. Особенно весной.

Кстати, забыла представиться. Зовут меня Майя Козлова. Замечательное сочетание, не правда ли? Майей меня нарекли потому, что родилась я в последний месяц весны. Ничего не хочу тут сказать – имя у меня хорошее, запоминающееся, редкое, но вот фамилия!.. Господи, как же я ненавидела свою фамилию! Меня дразнили в детском саду, в школе, в техникуме, я даже комплекс приобрела по этому поводу. С детских лет мечтала выйти замуж, чтобы наконец-таки избавиться от этого именного уродства. Впрочем, замуж я так и не вышла. И если раньше мне хотелось найти мужа, чтобы поменять фамилию, то теперь я готова была поменять фамилию, имя, национальность – да что угодно! – лишь бы выйти замуж.

Помнится в пятнадцать лет (я тогда только перешла в девятый класс) к нам в школу пришёл мальчик. Он приехал из Тамбова, и ему оставалось отучиться последний год до выпуска. Его звали Виктор Беспечный. Высокий, смуглый, серьёзный... Короче, влюбилась я в него безоговорочно. Больше всего, наверное, влюбилась в его фамилию. Я уже мысленно представляла, как это хорошо будет звучать: Майя Беспечная. Я примеряла его фамилию к себе и так, и эдак, смаковала каждую букву, каждый звук, лелеяла надежду, что Витька обязательно в меня влюбится и женится.

Как выяснилось впоследствии, Витька был Беспечным не только по паспорту, но и по своей сути. На поверку вся его задумчивая серьёзность оказалась всего лишь умело подобранной маской. Беспечного любили учителя, а добропорядочные родители ставили его в пример своим нерадивым детям. На деле же это был человек самовлюбленный и эгоистичный. Не спорю – Витька учился хорошо и, наверное, ещё с первых соплей решил сделать головокружительную карьеру, но и греховными радостями души и тела он не гнушался.

Короче говоря, девятый класс я заканчивала, будучи на пятом месяце беременности. Что творилось в то недавнее время в моём доме, нетрудно было представить. Мать заливалась слезами и причитала, что теперь о высшем образовании можно забыть, что я – несамостоятельная, безответственная и пропаду в этой жизни. Единственно мудрое решение, которое помогла мне принять моя мама, так это не делать аборт. Не спорю, с ребёнком на первых порах было очень тяжело. Мне шестнадцать лет, я ничего не умею, да ещё и Витька, что вполне естественно, от малыша отказался. Кроме того, за моими плечами было лишь восемь лет обязательного обра-

зования и ветер в голове. Кое-как всё это пережили, кое-как перебороли. С тех пор прошло восемь лет. Мой замечательный сын уже оканчивает второй класс. Живём-с.

Конечно, иногда мне приходят в голову мысли, а что было бы, если... Вероятно, я закончила бы школу с медалью, поступила бы куда-нибудь в институт, получила специальность, вышла замуж... Красиво. Теперь мне двадцать четыре, я живу вместе с сыном (спасибо родителям, которые помогли нам с квартирой), мужчины со мной не желают заводить серьёзных отношений и почему-то всегда исчезают, когда узнают, что у меня есть уже вполне взрослый ребёнок. Кроме того, я считаюсь девушкой неперспективной, в архивах моей профессиональной деятельности лежат три года в техникуме, специальность повара-кондитера и работа в одной непрестижной заводской столовой.

Но зато у меня есть сын. Мой драгоценный Глеб. Боже мой, до сих пор с содроганием вспоминаю тот день, когда он появился на свет и вся моя доброжелательная родня привалила в роддом, чтобы полюбоваться на мальчика. Меня затерроризировали советами и рекомендациями, а ещё притащили какую-то огромную книгу, с помощью которой намеревались выбрать имя моему сыну. Как выяснилось, давать ребёнку имя нужно с умом и дипломатической дальновидностью. Поэтому когда я сказала, что хочу назвать мальчика Глебом и никак иначе, на меня обрушился шквал словесных помоев и ругательств. Больше всего тут старалась моя закадычная подруга Светка Антонова.

– То есть, как это Глеб? – громогласно завопила она и тут же, раскрыв книгу на нужной странице, прочла: – «Он растёт слабым мальчиком, часто болеет, страдает от комплекса неполноценности. Нерешительный, неуверенный в себе человек. Ревнив». Боже мой, Майка, неужели ты в самом деле хочешь себе такого ребёнка!

Помню, я вырвала книгу, бегло прочла всё вышесказанное подругой и, обнаружив новую, более позитивную информацию, торжественно процитировала:

– «Из Глебов получаются отличные полиглоты. Он рассудителен, добродушен, всегда добивается своего», – я остановилась и с вызовом посмотрела на Светку. – Ну что, съела?

Вот так в нашем полку прибыло, и на одного Козлова стало больше. Отчество сыну я всё же решила дать настоящее, истинно ему принадлежащее – Викторович. И живём мы теперь, два Козловых, в однокомнатных хоробах, радуемся жизни, едим пирожки, которые ваша покорная слуга таскает из столовой, и друг на друга не налюбujemyся.

Слава Богу, Глеб пошёл не в отца. Ничегошеньки от него не взял: ни внешности, ни склада ума, ни характера. Светловолосый, зеленоглазый мальчик, умный не по годам, воспитанный, любознательный, добрый, в общем... мой сын.

Я пришла домой, распахнула дверь квартиры и застала сидящими на диване перед телевизором Глеба и Светку.

– Ну, наконец-то, Маюша! – Антонова подлетела ко мне, расцеловала и потащила к дивану. – Что так долго? Глеб сказал, что ты сегодня раньше заканчиваешь.

– Час пик на улице, – пояснила я, усаживаясь на диван. – А что это вы тут делаете? – с подозрением спросила я.

– Мы со Светой строим грандиозные планы, – охотно ответил Глеб, и я моментально упала духом.

Дело в том, что Антонова и мой сын, несмотря на разницу в возрасте, по умственному развитию недалеко ушли друг от друга. Глеб называл Светку исключительно по имени, часто ходил к ней в гости, чтобы развернуть какую-нибудь компьютерную баталию, и резался с ней в карты на желания. Как правило, Антонова хронически проигрывала, а значит, должна была эти желания выполнять. В основном ей приходилось покупать Глебу какие-то кассеты, диски, сладости. Впрочем, однажды мой любознательный сын попросил банку пива. Антонова, естественно, купила (проиграла же ведь, а как тут ещё поступить?), причём не только Глебу, но и себе. Нетрудно догадаться – одной банкой не обошлось. Так что нагвоздились они по полной.

Я, правда, об этом узнала не сразу, да и то от Светкиного мужа. Заговорщики благоразумно от меня сие событие утаили, а когда я выдала им налицо все факты, дружно всё отрицали. Ну что тут скажешь – спелись.

Но, помимо совместного распития пива, у моей подруги и сына была ещё одна общая страсть – искать мне спутника жизни. Как же они это дело любили! Что они только ни делали, чтобы свести меня с кем-нибудь, на какие ухищрения ни шли! А как они отбирали претендентов! У меня уши в трубочку сворачивались, когда я слышала, в каких выражениях и какие именно части тела или же индивидуальные особенности моих потенциальных кавалеров они обсуждали, разыскивая всевозможные достоинства и недостатки. Слушала я их и думала: кто на кого всё-таки оказывает дурное влияние – Светка на Глеба или Глеб на Светку?

Я положила на колени сумку, достала из неё два пирожка, протянула их злостным заговорщикам и с подозрением спросила:

– И в чём же заключаются ваши грандиозные планы?

– Значит так, – заелозила на месте Светка, засунув в рот полпирожка. – Если ты не забыла, то у нас на носу майские праздники. Кстати, – Антонова недоверчиво покосилась на пирожок, – тебе не кажется, что мясо несвежее?

– Это грибы, – успокоила я её. – Так что там с праздниками?

– К Игорьку на праздники приезжает один знакомый, – охотно пояснила Света. – Ему двадцать семь, он не женат...

– Ну, – протянула я, впадая в тоску. – Началось.

– Подожди, мам, – влез Глеб. – Послушай, Светка мысль говорит.

Антонова удовлетворённо кивнула и продолжила:

– Он останется у нас на пару дней, пока не найдёт себе квартиру. До этого времени он жил в Тамбове, но сейчас ему предложили хорошую работу, и он решил переехать сюда.

– И кем же он работает? – без особого интереса поинтересовалась я.

– Автомехаником.

– Потрясающе, – уныло протянула я. – Механик и повариха. Хорош альянс.

– Значит так, завтра... – начала было Светлана, но я решительно перебила её.

– Подожди-ка завтраками меня кормить. Если ты собралась меня свести с кем-то, то я тебе сразу скажу – нет. Во-первых, мне хватает одного мужчины в доме, – Глеб горделиво вскинулся, да и Антонова возражать против этого довода не стала. – Во-вторых, он из Тамбова, а к Тамбову я как-то предвзято отношусь, если ты помнишь.

Антонова скептически хмыкнула.

– Что значит предвзято? – встала она на дыбы. – Если бы не этот твой Тамбов, не было бы у тебя Глебчика, и вообще при чём здесь город? Ты, милая, что-то путаешь. Или ты думаешь, что все, живущие в Тамбове, мерзавцы?

– Я думаю, что все мужики – мерзавцы.

Светку мой довод не убедил, прожевав пирожок, она сказала:

– Значит так, завтра Витька приезжает к нам...

– Так его ещё и Витька зовут?! – воскликнула я.

– Так, Козлова, – со всей серьёзностью осадил меня Антонова. – Прекрати паясничать. Витька – хороший малый. Или ты считаешь, что мой муж стал бы связываться с какими-нибудь сомнительными личностями?

Я так не думала, поэтому промолчала. Пожалуй, Игорь был самым благоразумным человеком, которого я когда-либо знала. И терпеливым. Героически терпеливым, потому что жить со Светкой на протяжении двух лет и ни разу с ней серьёзно не поскандальить!.. Поверьте мне – это нонсенс.

– В воскресенье, – продолжила свой монолог Антонова, – а это у нас как раз будет первое, мы с Игорем приглашаем вас в гости. Познакомишься, посмотришь, не понравится – твоё дело. В конце концов, я тебе не замуж за него выходить предлагаю.

– Да, мам, – не удержался от реплики Глеб. – Посмотришь, пообщаешься. Света, кстати, обещала на десерт желе персиковое сделать.

Отличненько, сын купился на сладости, Светка – на мечту о моём замужестве. И что я могла им противопоставить? В конце концов, этот неизвестный Витька увидит моего сына и так же, как и все его предшественники, бросится наутёк. Я опять останусь одна, а Антонова и Глеб на какое-то время прекратят терроризировать меня своим глупым сводничеством.

Видит Бог, именно так я и думала, иначе никогда бы на это не согласилась. Впрочем, моим наивным мечтам не суждено было сбыться.

II

Я сидела на полу, разложив перед собой схему для вязания. Тут же на ковре лежали разноцветные клубки и спицы. Если вы думаете, что вязание – моё хобби, то вы глубоко заблуждаетесь. Зарплата повара в одной из многочисленных городских столовых и звание матери-одиночки к моему глубочайшему сожалению не дают мне возможности перешагнуть за границу прожиточного минимума. А у меня ребенок, между прочим, его кормить надо, одевать, покупать тетради и учебники, да и на работу приходится ездить на общественном транспорте. Вот и вынуждена подрабатывать. Заказов у меня, конечно, немного, стабильного заработка они не дают, однако всё же это лучше, чем ничего. Поэтому сижу с журналами, не сплю ночами и вяжу, вяжу, вяжу... Кстати говоря, нервы здорово успокаивает.

Я уже в третий раз набирала петли, сосредоточенно считая их количество, когда из кухни прибежал только что позавтракавший Глеб и закричал:

– Мам, ты чего, совсем обалдела?

Конечно же, я в очередной раз сбилась со счёта и была вынуждена отложить вязание в сторону.

– Что опять случилось? – спросила я, морально приготовив себя к очередной локальной катастрофе.

– Ну, чего ты сидишь? Ты забыла что ли? – возмутился сын. – У нас сегодня знакомство с новым папой.

– И что? – равнодушно пожала плечами я. – Светка пригласила нас к обеду. Сейчас только девять. Чего ты от меня хочешь?

– Как это чего? – не уставал поражаться моей утренней заторможенности Глеб. – А маникюр? – со знанием дела сказал он. – А макияж? Я прочитал в журнале, что нормальная женщина должна потратить на настоящий макияж не меньше часа!

– Милый, – ласково улыбнулась я. – К сожалению, твоя мамочка пока зарабатывает только на щёточку от туши. Или ты предлагаешь мне накрасить глаза гуталином, а вместо пудры взять мел?

– Не прибедайся, – фыркнул сын. – У тебя ещё есть помада.

Хороший мальчик, заботливый. Наверное, он думает, что с помощью одной лишь помады я сумею превратиться в принцессу.

– Золотце, – миролюбиво сказала я. – Давай ты не будешь мешать мамочке. Я как раз успею начать вязание и, возможно, к очередному свиданию сумею приобрести нечто для настоящего макияжа.

Глеб обиделся и ушёл на кухню. Он всегда так делал, когда не хотел со мной разговаривать. И всегда мне это было на руку. Я могла послушать тишину хотя бы лишние пятнадцать минут.

Я успела набрать петли и провязать четыре ряда, когда в комнату снова вернулся сын и требовательно сказал:

– Я хочу посмотреть телевизор. Иди на кухню.

Грубиян. Это, наверное, от отца. Я нехотя собрала вязание, спрятала его в шкаф и отправилась в ванную. Заниматься каким-либо общественно полезным делом смысла не было – всё равно Глеб не оставит меня в покое, будет постоянно придирается и ныть. Я решила последовать его совету и привести себя в порядок. Вымыла голову, накрутила на бигуди свои длинные волосы и наредила ногти, чего при моей работе мне делать не позволялось.

Глеб остался доволен результатом, даже похвалил меня.

А в двенадцать часов мы с сыном стояли на лестничной площадке перед дверью Антоновой, и я нажимала кнопку звонка.

Антонова открыла дверь и сразила меня наповал своим внешним видом: максимум косметики, максимум духов, максимум обаяния. Как будто это не меня знакомить с женщиной собирались, а её. Её огненные волосы были аккуратно уложены и залиты лаком. Похоже, созданием причёски она занималась всё утро. Это и немудрено: волосы у неё были густые и бессовестно длинные. Я иногда даже думала, зачем Антонова с Глебом играют в карты на желания? Лучше бы на раздевание играли. Даже будучи абсолютно голой, Антонова сумеет пять раз обмотаться волосами.

– Привет, – весело сказала Светка, расцеловав меня и Глеба. – Проходите.

В комнате был накрыт стол. Пахло укропом и жареной курицей. На диване сидели Игорь, Светкин муж, и ещё один мужчина, по всей видимости, Виктор. Игорь в ту же секунду подскокил к нам, пожал руку Глебу и расцеловал меня в обе щёки, многозначительно заметив:

– Потрясающе выглядишь!

– Спасибо, – мрачно ответила я, подумав, что все они тут спелись. Светка однозначно успела провести с Игорем воспитательную работу, и теперь все они – Светка, Игорь и Глеб – будут содействовать нам с Виктором, которого, кстати говоря, судя по его смущённому выражению лица, уже порядком успели мною напугать.

– Маюш, – обратился ко мне Игорь. – Познакомься, это Виктор.

– Очень приятно, – сказала я, протянув руку незнакомцу. – Майя.

Он неловко сжал мою ладонь и пристально посмотрел на меня. Впрочем, между нами тут же возник Глеб, который, гордо выпятив грудь, заявил:

– А я – Глеб, мамин сын.

Виктор заинтересованно посмотрел на мальчика. И эта его заинтересованность почему-то меня озадачила. Вместо того чтобы разочарованно протянуть: «у тебя уже есть сын?», он лучезарно улыбнулся и восторженно сказал:

– Такой чудный!

– Ну, вот и познакомились, – радостно констатировал Игорь. Он хлопнул в ладоши и весело скомандовал: – Светланка, наливай. За знакомство.

Вообще, муж у Антоновой был идеальный. Веселый, компанейский, симпатичный внешне и интересный внутренне. Правда, иногда просыпалась в нём какая-то командирская резкость, что, впрочем, было оправдано родом его деятельности. Игорек занимался бизнесом, всегда держал нос по ветру и в любой момент был готов наехать на конкурентов. Если же конкурентов рядом не оказывалось, он наезжал на кого-нибудь ещё.

Мы сели за стол. Антонова притащила вино. Я предусмотрительно налила Глебу сок. Он недовольно поморщил нос, но возмущаться не стал, наверное, хотел показать себя с хорошей стороны перед потенциальным папочкой.

Мы выпили. Закусили. Потом ещё выпили и ещё закусили.

– Никто не хочет выйти на перекур? – неожиданно спросил Виктор, и за столом повисла странная тишина.

Дело в том, что все здесь присутствующие, кроме нас с Глебом, курили долго и помногу. Но почему-то в этот раз ни Светлана, ни её муж не изъявили желания подышать дымом. Антонова, невинно хлопая ресницами, покосилась на меня и сказала:

– Не хочешь составить компанию?

– Я не курю, – быстро ответила я, но Антонова тут же нахмурилась и злобно сверкнула глазами. – Но я могу просто постоять рядом, – зачем-то сказала я, надеясь своим ответом успокоить не столько Виктора, сколько свою подругу.

Виктор взял сигареты, и мы отправились на балкон.

– Я слышала, вы из Тамбова, – непонятно для чего сказала я, стараясь как-то заполнить неприятные паузы.

– Да, – Виктор закурил и облокотился на балконную раму. – Последние одиннадцать лет жил в Тамбове, а теперь захотел вернуться домой. Мне тут сделали неплохое предложение по работе, вот и решил воспользоваться.

Я окинула молодого человека изучающим взглядом. Вообще-то Антонова не наврала, в целом этот Виктор был очень даже ничего. Высокий, спортивный, приятный. И пахло от него так умопомрачительно возбуждающе, что я тут же почувствовала к нему нездоровую симпатию.

Вообще-то, глядя на него, я совершенно не могла понять, как с такой внешностью и с таким божественным запахом можно работать автомехаником? Руководитель фирмы! – никак не меньше. Ещё я не понимала, как это при всех вышеперечисленных достоинствах можно оставаться неженатым человеком. Последнее обстоятельство как-то немного озадачивало: может, у него какие-то проблемы?

– У вас такой замечательный сын, – льстиво сказал Виктор. – Такой прыткий, такой интересный.

Я благосклонно улыбнулась.

– Сколько ему? – спросил Витя, покосившись на меня.

– Восемь, – с гордостью ответила я.

– Такой взрослый! – искренне удивился он. – Если не секрет, сколько же лет вам?

– Двадцать четыре, скоро будет двадцать пять. А детей, многоуважаемый, можно и в двенадцать рожать. В принципе, в мои годы, теоретически уже вполне можно быть бабушкой.

Мой несколько вызывающий ответ был принят Виктором, как нежелание говорить на болезненные темы. В действительности, так оно и было. Я вообще не очень люблю распространяться о том, во сколько родила, от кого, при каких обстоятельствах. Наверное, до сих пор ещё не успокоилась. До последнего времени вздрагивала, при упоминании о Беспечном, а возможно, где-то в глубине души ещё хранила к нему свою тайную симпатию. Но признаваться в этом было позорно. Я и не признавалась.

– Майя, – любезно улыбнулся Виктор. – Вы не возражаете, если я отвезу вас с Глебом домой?

– Вы нас выпроваживаете! – возмутилась я. – Между прочим, я в гостях у лучшей подруги и...

– Нет-нет, – испуганно замахал руками Виктор. – Я имею в виду потом, когда вы соберётесь уходить. Зачем вам толкаться в транспорте, если у меня есть машина под рукой?

Ну, всё понятно – клеится. «Дайте я вас провожу, дайте я зайду к вам на чашечку кофе, дайте я поцелую вас на прощанье... Ах, уже утро?» Все мужики одинаковые, никакой индивидуальности. Один сплошной плагиат. Впрочем, идея отвезти нас с сыном домой мне понравилась, хотя я всё равно не удержалась и возразила:

– Как это вы собираетесь нас везти? По-моему, у нас не полагается садиться за руль в пьяном виде.

Опять съязвила, да ещё таким гаденьким голоском. Однако моя ирония автомеханика с толку не сбила.

– Во-первых, – терпеливо объяснил он, – я совершенно трезв. А во-вторых, я могу вести автомобиль в любом виде, даже со связанными руками и закрытыми глазами.

– Какая самоуверенность, – одними губами сказала я, глядя в сторону.

Впрочем, Виктор мою реплику услышал и тактично возразил:

– Это не самоуверенность. Я за рулём с десяти лет. Машины для меня – это не только приятное времяпровождение, но ещё и работа, так что можете мне довериться.

Он докурив, щелчком выбросил окурочок на улицу, и мы вернулись в комнату. Светка и Игорь о чем-то возбуждённо шептались, однако, когда мы зашли, они резко замолчали и натянули на лица нелепые улыбки. Всё ясно: шептались о нас. Антонова, по всей видимости,

уже готовила мне свадебное платье, а Игорь, как всегда, со всем соглашался. Думаю, ему было абсолютно всё равно, что там у нас с Виктором происходит. Однако он не мог оставаться в стороне: Антонова ему этого не простила бы.

Из соседней комнаты доносились неясные звуки, среди которых отчётливо доминировал голосок моего сына. Отлично, значит, он уже наелся, заскучал и теперь бороздит просторы бескрайних компьютерных возможностей.

Пока мой сын развлекался в соседней комнате, наша благополучная четвёрка успела «уговорить» бутылку вина и перейти к кое-чему покрепче. Признаюсь честно, водку терпеть не могу и до сих пор не знаю, зачем стерпела её тогда. Видимо, о чём-то задумалась и нечаянно пропустила пару рюмок.

Помню потом Антонова начала рассказывать анекдоты. Все бессовестно ржали, а я – громче всех. Потом Игорёк включил музыку, мы начали плясать. Антонова чуть не сшибла стол. Гордо размахивая в танце своими волосами, нечаянно стряхнула салат на ковёр. Кажется, никто не обратил на это внимания. Забыв о приличиях, Антонова принялась дымить в комнате, хотя если бы это сделал кто-нибудь другой, пусть даже её муж, она непременно устроила бы скандал. А тут ещё Игорёк выудил откуда-то ещё одну бутылку водки. А дальше... пустота.

III

Я открыла глаза и посмотрела в потолок. Любимый и родной потолок собственной квартиры. Я хотела пошевелиться, но сильная боль моментально пронзила моё тело. В голове били куранты, а во рту, казалось, стоит мусорное ведро. Полное, до самых краёв, с дохлым хомячком на дне.

С неимоверными усилиями я отодрала голову от подушки, кое-как повернула её и... завизжала. Рядом со мной на диване лежало тело. Большое, солидное двухметровое тело со стриженной макушкой и однодневной щетиной. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что это Виктор. Я перекрестилась, перелезла через него и направилась в ванну, размышляя на ходу, что он делает в моей квартире, лёжа вместе со мной на диване.

Я умылась, вычистила мусорку изо рта и отправилась делать кофе. На мягком кухонном уголке сладко спал Глеб. Я поставила на огонь чайник, села рядом с сыном и серьёзно задумалась.

Я совершенно не могла припомнить, как попала домой. Наверное, отвёз Виктор. Хотя, если верить последним воспоминаниям вчерашнего дня, то назююкался он – будь здоров. Я подошла к окну, выглянула во двор и, увидев возле подъезда незнакомую машину, решила: нет, всё-таки Виктор.

Я выключила чайник, насыпала в кружку быстрорастворимый кофе и залила его водой.

А что это, интересно, Виктор делал на моём диване? Неужели мы с ним!.. А как же Глеб? Не могу поверить, что он всё видел! А как тут не видеть! Квартира маленькая, тут плюнуть негде, не то, что спрятаться. Даже если не захочешь, всё равно увидишь. А сын у меня любопытный.

Я посмотрела на часы и опять завизжала. Четверть десятого! Я же опоздала на работу! Ну, Антонова, ну, удружила. Теперь с этими её пьянками меня и из столовки вышвырнут.

Разбуженный моим нечеловеческим криком сын лениво открыл глаза, потянулся, окинул меня пренебрежительным взглядом и философски изрёк, подражая Светке:

– Совсем сдурела, Козлова. Девять утра, и чего тебе не спится?

– Так на работу же, Глеб, – неуверенно возразила я. – А кому-то ещё и в школу!

– Точно сдурела, – сам себе ответил Глеб, отворачиваясь к стенке. – Сегодня второе.

Мир. Труд. Май.

Я с облегчением вздохнула. Ну, конечно же, сегодня мы отдыхаем. Слава Богу, у меня ещё хватит времени собраться с мыслями.

Я растолкала сонного Глеба, усадила его рядом с собой и потребовала:

– Давай рассказывай, что вчера было?

– Ну и перегарищем от тебя несёт! – брезгливо отвернулся от меня Глеб.

Я пристыжено опустила глаза, шмыгнула носом, но тут же взяла себя в руки и, хлопнув рукой по столу, сказала:

– Прекрати издеваться над матерью! Быстро отвечай, что вчера было.

– Вчера мне было за тебя стыдно, – признался Глеб, и я окончательно упала духом.

В голове сразу же представилось, как я с Виктором кувыркаюсь на диване, а бедный мальчик со слезами на глазах наблюдает за развратницей-мамой.

– Так меня опозорить, так опозорить! – сетовал Глеб, хватаясь руками за голову. – Перед таким мужиком опозорить!

– То есть? – с подозрением спросила я, покосившись на сына.

Если между нами с Виктором что-то было, то я не представляю, как могла опозорить моего мальчика перед новым знакомым. Может, просила фотографировать процесс? Маловероятно, хотя бы потому, что у нас нет фотоаппарата. Тогда что? Может, некачественно изоб-

ражала страсть? Это уже более правдоподобно. Мой любознательный сын, насмотревшись вульгарных порнокартин, считает, что всё, что показано в фильме, непременно должно соответствовать реальности. Конечно же, я маститой порнозвезде соответствовать не могла. Да тыфу, о чём я думаю? Да ещё так спокойно, как будто речь идёт о погоде! Креста на мне нет, совести и стыда тоже.

Перед глазами всплывали картины одна другой хлеще. Если бы не мой сын, то я, наверное, в своих фантазиях смогла бы уйти запредельно далеко. Но Глеб, не замечая моего отсутствующего вида, начал проводить просветительскую деятельность.

– Он привёз нас домой, – сказал сын, – дотащил тебя, пьяницу, до квартиры, а ты бесовестно рухнула в коридоре, подложила под голову половичок и сказала, чтоб тебя никто не трогал.

– Ну и, – поторопила я, всё ещё не отпуская от себя мысль о разврате. – Никто не трогал?

– Да кому ты нужна такая? – отрезал Глеб. – Как тебе не стыдно! Ты храпела так, что у меня уши в трубочку от позора сворачивались.

– А дальше? – с надеждой на лучшее спросила я.

– Дальше ты решила, что тебе нужно в туалет. Это, конечно, дело полезное, но ты почему-то не подумала, что он может понадобиться ещё кому-то, кроме тебя. Ты закрылась на шпингалет и, похоже, уснула. Так что дядя Витя водил меня в два часа ночи к соседям.

Я схватилась руками за голову.

– Боже мой! Теперь все соседи будут тыкать в меня пальцем.

– Будут, – порадовал меня сынок. – Ещё как будут. Короче говоря, мы уже решили взламывать дверь. Мало ли, что там с тобой случилось. Но тут, ты сама – представляешь, сама! – не без ехидства подчеркнул любимый сын, – вырулила из сортира, послала всех на три весёлых буквы и легла спать.

Я задумчиво отхлебнула кофе. Глеб снова распластался на диване, демонстративно от меня отодвинувшись. Впрочем, пролежать долго ему не удалось. Он со злостью отпихнул от себя одеяло, нехотя поднялся и со словами «ну вот, припёрлась, разбудила» отправился в ванную.

Одновременно проснулся Виктор. Он столкнулся с Глебом в ванной, после чего, умывшись, зашёл на кухню.

– Доброе утро, – сказал мой гость, и я сконфуженно отозвалась:

– Доброе. Извините меня за вчерашнюю выходку. Честно говоря, я ничегошеньки не помню...

– Ничего страшного, – Виктор сел рядом со мной.

Я тут же спохватилась и принялась готовить завтрак.

– Надеюсь, я не донимала вас сегодня ночью, – начала я светский разговор, кружась возле плиты.

– Ничуть. Вы спали, как ангел.

– В обнимку с унитазом, – заметил ехидный Глеб, вошедший на кухню.

– Глеб Викторович, ведите себя достойно, – помпезно выдала я. – Между прочим, я пока ещё ваша мать.

– Викторович? – раздался за моей спиной изумлённый голос Виктора.

Я обернулась. Завтрак уже был готов. Я расставила всё необходимое на столе, села на мягкий уголок и, сложив руки домиком, поинтересовалась:

– А что вас так удивляет?

– Ничего, – смутился Виктор. – Такое приятное совпадение.

Глеб с гордостью пододвинул стул, взобрался на него и с королевским достоинством принялся пить какао. Я не стала выяснять у Виктора, почему это отчество моего сына вызывает

у него такие восторженные эмоции. Наверное, боялась получить какой-нибудь компрометирующий ответ.

– Потрясающий завтрак! – похвалил меня Виктор. – Вы замечательно готовите!

Я конечно понимаю, что окончила кулинарный техникум, но, по-моему, смастерить пару бутербродов и сделать кофе может любая женщина. Впрочем, замечание Виктора мне польстило.

– А ещё она умеет вязать, – с гордостью сообщил Глеб, внимательно наблюдавший за нами с Виктором.

– Да, Майя, – улыбнулся Витя. – Вы просто чудо. И сын у вас чудесный.

Мне уже надоело слушать хвалебные песнопения, причем откровенно льстивые, и я решила оставить мужчин наедине с их завтраком. Пока я сидела в комнате и пыталась выяснить своё впечатление по поводу вчерашних событий и, в частности, собрать воедино разрозненные воспоминания, мой сын и гость дружно болтали на кухне. Похоже, они сумели найти общий язык. Странно, обычно мужчины не горят желанием общаться с моим ребёнком. Впрочем, люди бывают разные. В любом случае, Виктору мой сын явно понравился, а это уже большой плюс. Хотя о чём я говорю? Это всё Светкино влияние. Я отношусь к Виктору так, как будто он уже давно за мной ухаживает, а я, вся такая неприступная, никак не говорю ему «да». Может быть, я даже ему абсолютно несимпатична. Просто он очень вежливый и тактичный. Хотя нет. Он так пристально на меня смотрит, так внимательно вслушивается в каждое моё слово, что надо быть настоящим кретином, чтобы не заметить – он на меня клюнул.

От этой мысли меня бросило в жар.

Пока мужчины завтракали на кухне, я быстренько извлекла из серванта остатки туалетной воды, сбрызнула ими волосы и шею, затем спрятала флакон обратно и метнулась к зеркалу.

Хороша, нечего сказать. Надеюсь, я провела полночи рядом с унитазом, не ныряя в него. Я поспешно привела волосы в порядок и с чувством выполненного долга, спокойная, умиротворённая и пахнущая фиалками, уселась на диван. Мужчины как раз позавтракали и теперь пришли в комнату.

– Может быть, помочь помыть посуду? – вежливо предложил Виктор.

– Ну что вы! – тут же отмахнулась я. – Вы у меня в гостях. Не беспокойтесь, я сама со всем справлюсь.

Мы поболтали ещё минут десять, после чего Виктор взглянул на часы и оправдывающимся тоном сказал:

– Извините, мне уже пора.

– Конечно-конечно, – покладисто согласилась я.

– Было приятно познакомиться, – отозвался Виктор. – Может быть, как-нибудь встретимся? Погуляем? Сейчас такая хорошая погода.

– Конечно, – я кокетливо захлопала ресницами.

– У вас есть телефон? Вы не возражаете, если я запишу номер.

Ещё бы я возражала! Да я сама бы ему этот телефон всучила, даже если бы он сопротивлялся.

Виктор записал мой номер телефона и пообещал позвонить в ближайшем будущем.

Едва за ним захлопнулась дверь, как Глеб налетел на меня с вопросами.

– Ну что, мам, ну, как он тебе? Ничего, да?

– Ничего, – спокойно согласилась я, изображая из себя гордую неприступность.

– И машина у него ништяк, – осведомленно добавил Глеб. – Прикольная. Знаешь, мам, что я решил?

– Что? – не без ужаса поинтересовалась я, внутренне предчувствуя беду.

– Он нам нужен. Тебе, мне, – задумчиво изрёк Глеб. – Я так прикинул – вы вместе ничего будете смотреться. И фамилия у него, знаешь, какая?

– Какая? – мрачно спросила я.

– Астафьев! – с восторгом сообщил сын. – Нам подойдёт. Астафьевы лучше, чем Козловы.

Последний довод был наиболее убедительным. Однако во мне тут же разыгрался момент противоречия, я приняла боевую позу и лаконично возразила:

– Мне кажется, Виктор пока не собирается делать мне предложение, – я подумала пару секунд и добавила: – И, вероятно, никогда не соберётся.

– Не будь пессимисткой, – раздражённо ответил мой сын (и где только слов таких нахватался!)

Он собирался сказать что-то ещё по этому поводу, но в этот момент зазвонил телефон.

Антонова. Решила узнать, как обстоят дела. Бросив в трубку «через пять минут буду», она отключилась, а я объявила Глебу:

– Сейчас припрётся Светка. Будет вытягивать подробности.

– Замечательно, – отозвался сын, потирая свои маленькие ручки. – Сейчас мы все вместе придумаем какой-нибудь план действий.

– Опять? – упавшим голосом протянула я. – У меня до сих пор голова раскалывается от предыдущего вашего плана.

– Пить надо меньше, – отрезал Глеб.

Я не успела придумать достойного оправдания, потому что в дверь позвонила Антонова.

Надо отдать ей должное – выглядела она потрясающе, если учесть, что вчера её состояние было ничуть не лучше моего. Светка впорхнула в квартиру, прыгнула на диван и скомандовала:

– Рассказывай.

Вместо меня обо всём рассказал Глеб, причём не поспешил на выражения, описывая недостойное мамкино поведение. Я виновато молчала и считала, что все эти подробности излишни. Можно было бы ограничиться общими фразами. Мегера Антонова вместо того, чтобы пропустить детали мимо ушей, вникала во все мелочи, которыми сыпал Глеб. И почему-то описание прошедшей ночи с каждой минутой обрастало всё более и более провокационными подробностями, видимо, Глеб отвлёкся от сути разговора и теперь пересказывал какой-то умопомрачительный триллер со мной в главной роли. Впрочем, общий смысл истории был сохранён. Поэтому, когда Глеб всё рассказал и Антонова грозно гаркнула в мой адрес «ни стыда, ни совести», я не смогла ничего возразить.

– Значит так, – с умным видом сказала Антонова после непродолжительного молчания. – Ситуацию можно исправить.

– Да что здесь исправлять? – возмутилась я, чувствуя себя оскорблённой до глубины души. – Всё и так неплохо. Виктор обещал позвонить и выгнать нас куда-нибудь на прогулку.

– Знаешь в чём твоя проблема, Маюша? – сделала лирическое отступление Антонова. – В том, что ты всегда довольствуешься малым. А если он не позвонит? А если он позвонит только тогда, когда Глеб уже институт закончит?

– Значит, так я ему нужна, – гордо парировала я, но мой ответ Светку не убедил.

– Послушай меня, Козлова, старую мудрую женщину, – Светка откинулась на спинку дивана и приняла королевскую позу. – Если бы я в своё время вела себя так, как сейчас ты, то я никогда бы не вышла замуж за Игорьку. И это несмотря на всю его необъятную любовь ко мне.

– Что ты мне предлагаешь? – насторожилась я.

– Скажи спасибо, что Витька живёт пока у нас, и я имею возможность надавить на него.

– Меня пугает эта перспектива, – буркнула я. – Зачем мне нужен раздавленный тобой Витька?

Антонова пропустила эту фразу мимо ушей и перешла в наступление.

– Вот скажи мне, Козлова, почему тебе не хватило ума самой назначить ему встречу? Не какою-нибудь там расплывчатую на неопределённое будущее, – Светка сделала руками

несколько неясных взмахов, – а конкретную встречу: день, время и место. Например, позвала бы его отремонтировать шкафчик.

– Какой к чёрту шкафчик! – возмутилась я. – У меня пока, слава богу, всё нормально функционирует.

– Дура! – безобидно выругалась Светка. – Ну, самая настоящая.

– Надоели вы мне все, – расстроено сказала я. – И Витька ваш надоел. Вместо того чтобы пробудить во мне интерес к нему, вы последние зачатки симпатии топчете.

– А что, – с любопытством поинтересовалась Антонова. – Есть зачатки?

Я предпочла не отвечать на этот вопрос, посчитав его некорректным. Моё молчание, видимо, подтвердило догадки Светки, потому что она неожиданно расцвела.

– Ух, ты моя пампушечка, – она потрепала меня по щеке и демонстративно поднялась. – Пожалуй, я пойду, чтобы не накалять обстановку, – приняла Антонова единственно умное решение. – Не переживай Маюш, с Витькой мы всё уладим. Никуда он от нас не денется.

Они расцеловались с Глебом. Он проводил её и закрыл за ней дверь, после чего вернулся и с головой ушёл в телевизор. Я же сидела на диване и думала, что праздники закончились, а завтра опять рано вставать и идти на работу.

IV

Рабочий день подходил к концу. Я едва успела спрятать в сумку остатки говяжьей вырезки, как ко мне подлетела наша Танечка, девочка восемнадцати лет, работавшая на даче, и с восторгом сообщила:

– Козлова, тебя там ждут возле входа!

Я вылетела на улицу и ахнула. Виктор. Он стоял возле своей белоснежной «десятки» и задумчиво курил. Увидев меня, он отбросил сигарету в сторону и раскинул руки для объятий.

– Здравствуйте, – поприветствовал меня он, слегка потрепав в своих руках.

– Привет, – кокетливо улыбнулась я.

– Светлана мне сказала, что вам до дома очень трудно добираться. Далеко, и транспорт редко ходит, – объяснил своё появление Виктор. – Вот решил вас подвезти.

– Огромнейшее спасибо, – искренне поблагодарила я его, забираясь в машину и одновременно думая: ну вот, оно самое – пресловутое давление Антоновой. Кстати, не безрезультатное. – Светка всегда так обо мне беспокоится.

Какое-то время мы ехали молча. Я пристально разглядывала Виктора и пыталась определить, насколько он мне нравится. Он был смуглым, темноволосым, аккуратно одетым (несмотря на своё холостяцкое положение), и с чистыми руками.

Да-да, стерильными, как у хирурга. Учитывая характер его работы, иметь чистые руки проблематично. Наверное, он сидит каждый день в ванной и надраивает щёткой ногти. Был у меня такой знакомый. Кстати говоря, стоматолог. Он ненавидел работать в перчатках, а так как постоянно возился в своём гараже, ему приходилось ежедневно вычищать руки щёткой. В принципе, от увольнения его это не спасло. На него многократно жаловались из-за того, что он не носил перчатки, впрочем, он ещё никогда не надевал маску, да и на работу с завидной регулярностью опаздывал. Однако же к теме разговора это отношения не имеет.

Помнится, я остановилась на перечислении Витькиных достоинств. Не буду скрывать, их у него было предостаточно, но с другой стороны, я всё никак не могла отделаться от неприятных ассоциаций, которые возникали у меня, когда я глядела на его тёмные волосы и вспоминала, что он из Тамбова. Виктор дико походил на треклятого Беспечного: то же имя, тот же город, цвет волос, черты лица... Однако же винить в этом Астафьева было бы делом неразумным, это только мои проблемы, мои комплексы и мои недостатки. Виктор был кристально чист и внебрачными детьми не дискредитирован.

– Как обстоят дела с работой? – решила я начать беседу. – Всё получается так, как вы планировали?

– В принципе, да. На этой неделе я подписываю договор и приступаю. Правда остаётся ещё одна проблема, – Виктор окинул меня быстрым взглядом, – с квартирой. Я просмотрел несколько объявлений и пришёл в ужас. То, что мне предлагали, трудно было назвать квартирой: телефона нет, вода идёт с переменным успехом. Нашлась одна приличненькая квартирка, да только на окраине города, да ещё и за баснословные деньги. Вот теперь ломаю голову над тем, что делать.

Не знаю, какой чёрт меня дёрнул это сказать, однако же, я натянула на лицо счастливую улыбку и радостно предложила:

– Если хотите, перебирайтесь к нам с Глебом, – я моментально сообразила, что сморозила глупость и поспешно добавила: – На время. Заодно и поможете нам кое в чём по хозяйству, а как найдёте подходящую квартиру, сразу переедете. Я думаю, это лучше, чем жить с Антоновой и её мужем. Они люди семейные. Им не до вас.

– Огромное спасибо, – искренне обрадовался Виктор, словно только этого от меня и ждал. – Конечно же, я во всём вам помогу. Тем более у вас такой замечательный сын, мне так приятно с ним общаться!

Это уже был сотый комплимент в адрес Глеба. У меня сложилось такое впечатление, что Виктору мой мальчишка нравится больше, чем я сама. Похоже, я уже начинала ревновать постороннего мужчину к собственному сыну. Впрочем, я не стала заморачиваться на эту тему, решив посмотреть, что будет дальше.

А дальше мы приехали домой. Я угостила гостя чаем с пирожками. Потом Виктор позвонил Антоновой и сказал, что сейчас приедет забрать вещи, затем он передал трубку мне. Светка с уважением и гордостью гаркнула: «Хвалю. Можешь ведь, когда захочешь», после чего бросила трубку.

Перспектива остаться ночью с малознакомым мужчиной уже не казалась мне такой привлекательной, как в тот момент, когда я предлагала Виктору собственную крышу. Да я и не воспринимала это серьёзно, хотела блеснуть великодушием, не более. Почему-то я не подумала сразу, что у меня нет ни второго дивана, ни раскладушки, на худой конец. Мой Глеб и то спит на мягком уголке на кухне. Куда же я положу двухметрового мужика? Ответ очевиден – рядом с собой. А что же мне ещё оставалось? Назвался груздем – полезай в кузов, не иди же теперь на попятную.

«Хватит, – сама себе сказала я. – Вчера, будучи пьяной, тебя не особенно тревожила мысль, кто лежит с тобой рядом!»

На этом я успокоилась и отправилась готовить ужин. Вскоре приехал Виктор, сжимая подмышкой небольшой чемоданчик. Я предложила ему располагаться и сообщила, что ужин почти готов. Буквально через минуту мы сидели втроем за столом и мило трапезничали.

Это было восхитительно. Я даже на секунду забыла о своём неудачном опыте в личной жизни. Было такое ощущение, словно у меня есть семья: любимый муж и ребёнок. Глеб и Виктор так чудно находили между собой общий язык, что я уже почти поверила в сказку. Из этого волшебного мира меня вывел банальный вопрос Виктора:

– Майя, вы не будете против, если завтра я вас опять встречу?

Фу! Негодный механик! Разрушил мой волшебный замок своим неуместным «вы». Между прочим, мы уже провели однажды ночь вместе. И неважно, что ничего интимного между нами не было. В любом случае, уже давно пора отбросить все эти формальности, о чём я тут же поспешила сообщить.

– Хорошо, – охотно согласился Виктор. – Так ты не возражаешь?

– Ещё бы! – с чувством воскликнула я. – Ты думаешь, это приятно: трястись в переполненном автобусе, зажав сумку в зубах?

Виктор так не думал, и наша беседа плавно перешла в другое русло.

– Как вы смотрите на то, – сказал он, обращаясь непосредственно к нам с сыном, – если на выходные мы выедем куда-нибудь на природу? Сейчас такая замечательная погода! Можно было бы устроить какой-нибудь пикничок за городом. Шашлычки... – его губы растянулись в блаженной улыбке.

– Класс! – тут же отозвался сын, немедленно воодушевляясь. – Хорошая идея, да, мам?

Я была вынуждена согласиться. Природа и шашлыки – это здорово. Однако же в голову моментально пришли и не совсем хорошие мысли: ну зачем этот Виктор так поступает? Входит в доверие, влюбляет в себя моего сына, а потом, в один прекрасный момент исчезнет так же внезапно, как и появился. Вернётся к себе в Тамбов или же найдёт себе молодую, красивую и бездетную дамочку, с которой можно построить свою дальнейшую жизнь. Впрочем, я тут же отогнала от себя эти неприятные мысли и с улыбкой сказала:

– Да, идея хорошая. Тем более что мы с Глебом уже давно никуда не выезжали.

Мы поужинали, и мужчины устроились перед телевизором. Я же приступила к своему заброшенному вязанию.

Я вязала и думала, как быть дальше? Моя богом забытая личная жизнь уже давно отошла на второй план, и теперь я чувствовала себя не совсем комфортно в тисках сегодняшней действительности. А действительность была такова: положительный мужчина вполне даже семейного возраста симпатизирует мне и моему ребёнку. Возможно, он уже представляет себя в роли отца Глеба. Хотя о чём это я? Думаю, что это как раз я пытаюсь впихнуть Виктора в рамки отцовских стандартов. А он живёт себе беспечно и беззаботно и ни о чём таком не помышляет. А если всё-таки помышляет? Признаюсь честно, я так упрямо и настойчиво вычёркивала из своего сознания все мысли о мужчинах, что теперь мне семейная идиллия представлялась сказочным анахронизмом.

Когда я пришла в себя, часы показывали начало десятого. Я опустила глаза на вязание и с ужасом отметила, что сварганила нечто нелепое. Мысленно матерясь, я была вынуждена распустить всё и начать заново. Однако, провязав несчастные три ряда, я отбросила ни в чём неповинную кофту (то есть в итоге это должна была получиться кофта) и вернулась в комнату.

Открыв дверь, я обмерла, и слёзы умиления навернулись на мои уставшие глаза. На моём стареньком диванчике, тесно прижавшись друг к другу, дремали Глеб и Виктор. Телевизор орал во всю, но им не было до этого никакого дела. Их умиротворённые лица соединились в каком-то неведомом мне экстазе, излучая счастье и упоение.

Я подошла к дивану и аккуратно потрясла Виктора на плечо. Он немедленно проснулся и поднял на меня свои чудные серые глаза. Тьфу ты, нечистая, и глаза у него такие же серые, как у Беспечного. Может, Глеб недаром в этого Виктора влюбился, чувствует что-то родное?

– В чём дело? – шёпотом спросил Виктор, пристально разглядывая меня.

Я жестом показала ему, что нужно отнести Глеба на кухню. Виктор охотно выполнил мою просьбу. Мы уложили сына спать и вернулись в комнату.

Пока я раскладывала диван и стелила постель, Виктор сидел в кресле и смотрел на меня. От его взгляда у меня мурашки бежали по телу. И чего это он так вылупился? Нет, я не спорю, женщина я красивая, в самом соку. Но у меня, между прочим, сын спит через стенку, а тут слышимость хорошая, и вообще...

– Майя, а ты не боишься спать под одним одеялом с практически незнакомым человеком? – прервал мои размышления Виктор.

Я встала как вкопанная и посмотрела на него, судорожно соображая, что это: бахвальство или тонкий намёк.

– А что, надо бояться? – осторожно спросила я.

Он рассмеялся.

– Я же просто спрашиваю, – ответил Виктор. – Если хочешь, я могу и на полу лечь.

Что за наглость! Меня прямо-таки в жар бросило! Ему что, даже лежать рядом со мной противно? Ну, ещё бы. После позавчерашней ночи я бы сама себе опротивела: пьяное, неконтролируемое создание! Однако я тут же попыталась себя успокоить: может, он чересчур воспитанный, стесняется?

– Прекрати, – отрезала я. – На полу холодно, хоть и май. Если ты заболеешь, Глеб мне этого не простит.

Виктор удовлетворённо улыбнулся, и мы легли спать.

Я лежала, зажата между стеной и мужским телом. Потрясающее чувство! Давненько я его не испытывала. Правильнее сказать: не испытывала вовсе. Обычно мужчины в моём доме не ночуют, а мои кратковременные интрижки такого ощущения семейной замкнутости не давали. А сейчас у меня было именно такое ощущение. Я чувствовала на себе какую-то ответственность за покой в доме и за тепло домашнего очага. Меня приводило в восторг рав-

номерное дыхание Виктора и сознание того, что он может стать, ну хотя бы в проекте, отцом Глебчика.

На этих позитивных мыслях моё сознание помахало мне ручкой и ушло на покой.

V

Во время рабочего перерыва в нашу столовую влетела Антонова и тоном, не терпящим возражений, потребовала меня. Я поспешила её величеству угодить, опасаясь, что она разнесёт тут всю столовую, если меня не получит, и мы вышли на улицу, якобы подышать свежим воздухом.

– Чего это ты не на работе? – поинтересовалась я, поправив съехавший на бок фартук.

– У меня сегодня только пятый класс, – отозвалась Антонова. – Три урока подряд.

Завидовала я порой своей Антоновой. Работает себе учительницей в средней школе. Преподаёт никому ненужную географию и довольна жизнью. Отсидит себе три-четыре урока, попьёт кофейку в учительской и чешет домой. Правда, и зарабатывает она скромно. С другой стороны, у неё есть Игорёк. Зачем при таком муже хорошо зарабатывать?

– Ну, – поторопила меня Светка. – Давай, рассказывай.

Всё понятно. Моя разлюбезная «училка» примчала за последними сплетнями. Ну не может она спокойно жить, не находясь в курсе дел подруги.

Я окинула её непонимающим взглядом и невинно спросила:

– Что рассказывать?

– Вот бестия! – рассердилась Светка и нервно закурила. – Про Витьку рассказывай, про ночь вашу первую, брачную.

– Дура ты развратная, – беззлобно ответила я. – Я, в отличие от тебя, оргиями не занимаюсь. И тебе бы не советуя: сердце может не выдержать.

– Ненавижу тебя порой, Козлова, – честно призналась Светка. – Стараешься для тебя, стараешься, а ты вместо благодарности... – она потрясла в воздухе кулаком. – Пороть тебя надо, Козлова, пороть.

– Если будешь мне угрожать, – обиженно сказала я. – Вообще ничего не скажу.

Антонова замолчала и сделала вид, что увлечена сигаретой. Подкупленная её молчанием, я выложила всё как на духу: и про шашлык, и про тайную мечту найти отца сыну. Светка молчала ещё долго даже после того, как я всё рассказала. Это обстоятельство меня напугало. Видимо, Антонова думала. Это напугало ещё больше. Я с надеждой посмотрела в её умудрённые жизнью глаза и спросила:

– В чём дело?

– Глупая ты баба, Козлова, – изрекла всезнающая Антонова. – Вот поэтому и живёшь без мужика.

– Что ты хочешь этим сказать? – в свою очередь спросила я, не обнаружив логики между своим рассказом и странным выводом Антоновой.

– Нельзя мужику показывать, что ты в нём заинтересована, – проинструктировала меня Светка. – Этого они не любят.

– А как же «шкафчик починить»? – возразила я ей. – По-моему, ты говорила.

– Так шкафчик, это совсем другое. И то, что квартиру ему свою на время предложила, это правильно. Но то, что влюбляться в него начинаешь и мысленно тянешь к алтарю, – глупость. Непростительная глупость.

– Так это только мысли, – неуверенно стала оправдываться я. – Он же о них ничего не знает.

– Зато ты знаешь. И заикливаешься. Но скажи спасибо, что у тебя есть я.

– От скромности ты не умрёшь, – вскользь заметила я, но моё ехидство Светка пропустила мимо ушей.

– До конца недели веди себя достойно. Верти задницей, хлопай ресницами, но делай это так, как будто постоянно так делаешь, а не специально для него стараешься, – учила меня

Антонова, пыхтя сигаретой. – А к концу недели, когда на пикник поедете, можно и послабление сделать. В общем, ты не теряйся, – подвела она итог и тут же сурово наказала: – Обо всём мне докладывай.

– Как будто у меня есть другой выход, – мрачно заметила я.

– Ну, всё, – с облегчением изрекла Светка, растоптав окурочек маленькой ножкой в изящной туфельке. – Поеду домой. Если что – звони.

Мы распрощались, и я приступила к работе.

К назначенному времени подъехал Виктор. Чувствуя себя шестикрылым Серафимом, я выпорхнула на улицу и кинулась в объятия своего рыцаря. Виктор открыл дверь автомобиля и извлек из его кожаного нутра букет алых роз. Восторгу моему не было предела. Если бы Антонова меня сейчас увидела, то подумала бы, что мне подарили ключи от двухэтажного особняка.

Но это был всего лишь букет. Да что там букет! Три скромные розочки, зажарившиеся под майским солнышком. Впрочем, эти детали не могли омрачить моего приподнятого настроения. Моё продажное сердце было подло подкуплено, и я, как четырнадцатилетняя дурочка, уже готова была признаться этому автомеханику в любви. Однако я тут же вспомнила свою Антонову и предпочла промолчать.

– Нужно заехать в магазин, – сказал мне по дороге Виктор. – У нас холодильник пустой, надо взять что-нибудь к ужину.

Это многозначительное, очень интимное «у нас» окончательно помutilо мой рассудок. По телу прошла приятная истома, а перед глазами встала сладко-розовая пелена.

Мы заехали в магазин.

– Может, возьмём спагетти? – предложил Виктор, рассеянно пробегая взглядом по прилавкам.

– Отлично, спагетти, – радостно согласилась я. – Сюда как раз подойдёт соус с шампиньонами. Где здесь шампиньоны? – я поглядела по сторонам. – Вот! Витька, ты с ума сойдёшь от восторга, когда это попробуешь! Только ещё нужен томатный сок.

Пока я носилась между прилавками, выбирая необходимое, Виктор чинно ходил за мною следом, сжимая в руках корзину для продуктов.

Прелесть, а не мужчина! Ни одного слова поперёк не сказал. Да ещё и за покупки сам расплатился.

Интересно только, почему же он не женат? Ха! Да потому что всю жизнь искал такую, как я. Чтоб и приготовить смогла, и свитер связала. Но я всё-таки задумалась и резко остановилась. Думать и одновременно делать что-то ещё я к глубочайшему своему сожалению не умела. Пришлось сосредоточиться на первом.

Виктор, не успев затормозить передо мной, внезапно застывшей на месте, чуть не сшиб витрину.

– В чём дело? – искренне удивился он.

– Да так, – отмахнулась я, но всё же не удержалась и спросила: – Вить, а почему ты до сих пор не женат?

Он на мгновение побледнел и, как мне показалось, испугался. Однако тут же взял себя в руки, натянул на лицо грустную улыбку и ответил:

– Да вот, как-то всё не складывалось.

Ответ меня устроил более чем. Это подтверждало мою догадку о моей уникальности и предназначенности Виктору судьбой.

Мы загрузили продукты в машину и отправились домой. Дома нас ждал голодный Глеб. Судя по выражению его лица, он намеревался закатить скандал по этому поводу, но, увидев Виктора, на всякий случай решил промолчать. Хитрый мальчишка, знает, как и с кем себя вести. Весь в негодяя отца!

Пока я суежилась с ужином, Виктор предложил Глебу прогуляться, на что мой сын отреагировал с величайшим воодушевлением. Как только дверь за ними закрылась, я помчалась к телефону. Докладывать Антоновой последние новости.

Особенно я разошлась в описании букета. Я живописно расписывала по отдельности каждый бутон, при этом скромно увеличив количество цветов в букете до семи. Когда я наконец отвлеклась от цветов и перешла к разговору в магазине, Антонова меня остановила.

– Так говоришь, у него с бабами не складывалось? – спросила она.

– Да, – насторожилась я, – а что? Считаешь, что он врёт? Думаешь, он был женат?

– Не знаю, – искренне ответила Антонова. – Игорёк как-то рассказывал, что он прожил с какой-то зазновой три года в гражданском браке.

– Наверное, это было давно, – решила я.

– Наверное, – согласилась Антонова. – В любом случае ты на правильном пути.

Подруга меня обнадежила. Мы распрощались, и я отправилась на кухню.

Ужин уже был почти готов, когда пришли Глеб и Виктор. Сын со странными воплями скрылся в туалете, а Виктор зашёл ко мне на кухню и протянул, улыбаясь, две плюшевые игрушки.

– Что это? – в свою очередь удивилась я.

– Мы с Глебом в тир ходили, – пояснил Виктор. – Я его стрелять учил. Вот, – он положил игрушки на стол, – научился.

Тем временем на кухню зашёл Глеб и с блаженным лицом простонал:

– Ма-ам, как хорошо! Ты не представляешь!

– Я рада, что тебе понравилось. Надо как-нибудь будет ещё раз сходить, постреляем вместе.

– При чём здесь «постреляем»? – раздражённо заметил сын. – Я про туалет, – его лицо снова растянулось в довольной улыбке. – Это такое блаженство. Настоящий оргазм.

– Глеб! – воскликнула я, с ужасом уставившись на сына.

Виктор рассмеялся.

– Вить, – виновато стала оправдываться я. – У меня очень умный сын, на пятёрки учится, читает много, – я тяжело вздохнула и добавила: – правда, не то читает.

– Ничего, – Виктор прекратил смеяться и философски изрёк: – Знания – это сила.

Он потрепал Глеба по макушке, и мы наконец приступили к ужину.

Как и следовало ожидать, Виктор нахваливал мои непревзойдённые кулинарные способности. Я умиротворённо кивала, подсознательно влюбляясь в него ещё сильнее, а Глеб счастливо улыбался.

Как только мы легли спать, Виктор повернулся ко мне лицом и сказал:

– Знаешь, Майя, ты такая замечательная, такая добрая и отзывчивая, – он внезапно замолчал, а я вылупилась на него, ожидая продолжения. – Иногда мне кажется, что именно такую женщину я искал всю жизнь.

Я смутилась. Впрочем, в вечерних сумерках, заливших комнату, моё смущение так безвинно и потонуло.

– И сын у тебя такой сланный, – продолжал лить елей Виктор. – Ты не задумывалась о том, что мы с тобой могли бы стать хорошей парой?

В голове помутнело. Дым показался впереди паровоза: фата и белоснежное платье встали перед глазами. Сразу же возникли мысли о свадьбе. Однако я тут же одёрнула себя. В конце концов, Виктор ещё ничего такого не сказал, всего лишь пара общих фраз. Но, чёрт возьми, каких же долгожданных фраз!

– Не знаю, – решила я набивать себе цену. – Мы знакомы всего лишь три дня. Мы друг друга совершенно не знаем.

Мне показалось, или Виктор, в самом деле, расстроился?

– У меня складывается такое впечатление, как будто мы уже знакомы всю жизнь, – тихим шёпотом сказал Виктор, словно рассчитывал, что я не услышу.

Естественно, я услышала, но не нашлась, что ответить.

Будто бы прочитав мои мысли или уловив смятение в воздухе, Виктор решительно поднялся и накрыл мой рот своими губами. От неожиданности я не сообразила, что нужно делать. А когда сообразила и уже было протянула руки, чтобы обнять его, Витя отстранился от меня, повернулся спиной и преспокойно уснул.

Ну, не сволочь ли?

VI

Последующие два дня стали логичным продолжением предыдущих. Виктор встречал меня после работы, отвозил домой. Потом мы вместе ужинали и ложились спать. Правда, теперь Виктор всегда целовал меня на ночь, но в остальном руки не распускал. У меня появились сомнения: может, у него и в самом деле какие-то проблемы?

А потом Виктор устроился на работу и перестал отвозить меня домой. Это обстоятельство не очень радовало. За три последних дня я успела привыкнуть к хорошему и даже сумела забыть, каково это, когда кишки подскакивают к горлу, а в голове мутнеет от пропахшего бензином салона.

Был последний рабочий день. Пятница. Я возвращалась домой на старом, готовом в любую минуту развалиться «пазике». Мне оставалось проехать несколько остановок, когда в автобус вошли две женщины. Правильнее сказать не вошли, а впихнулись. Последняя подналегла на товарку и со словами «давай, Астафьева, поднажми» втокнула её внутрь, после чего дверь за ними с предсмертным стоном захлопнулась.

Не знаю, почему обратила внимание на этих женщин. Видимо, произвела впечатление знакомая фамилия. Кто там у нас был Астафьев? Точно, Виктор.

Та, которая по моим соображениям должна была быть Астафьевой, выглядела чересчур элегантно в деловом костюме, и, прижатая к двери вонючего «пазика», казалась инородным телом. Её подруга смотрелась не менее элегантно, но более приземлено.

«Наверное, привыкли девочки на такси да на машинах разъезжать», – подумала я. А Астафьева тут же подтвердила мою догадку, бросив подруге:

– Вот сволочь немецкая, угораздило её сломаться в час-пик. Как теперь на работу добираться?

– Так отдай её в ремонт.

– Ага, – усмехнулась Астафьева. – Мерзавцу-братишке. Он мне её так отремонтирует, что я вмиг на тот свет примчусь на пятой передаче.

– Как будто нет других автосервисов, – парировала подруга, и обе замолчали.

Я моментально задумалась. Мозг был покорен беспокойными мыслями. Астафьева. Автосервис. Братишка. Уж не о Викторе ли идёт речь?

Абсурд. Сколько у нас Астафьевых в городе? Сколько разных автомехаников и автослесарей? Кроме того, Виктор только недавно приехал из Тамбова.

Я успокоилась и, распахав всех пассажиров, вырвалась из автобуса.

Вечер прошёл по традиционному расписанию. Мы поужинали, я спросила у Виктора, как дела на работе. Он ответил, что всё нормально, и они с Глебом ушли смотреть футбол по телевизору. Я достала своё горемычное вязание и приступила к делу.

Слова неизвестной мне Астафьевой не желали вылетать из головы, возвращая во мне ростки сомнений. Всё это было глупо и безосновательно, однако я вцепилась в эти слова, словно клещ. А тут ещё меня атаковали подлые мысли, что не бывает всё хорошо, что нет бочки мёда без той сокровенной ложки дёгтя.

Хотя о какой, собственно, бочке я говорю? Если в моей квартире и проживает какой-то непонятный мужик, носит мои сумки и целует на ночь, то это ещё далеко не повод, чтобы хвастаться небывальными успехами в личной жизни. Тут-то и жизни никакой нет. Так, позорный храп над ухом, не больше.

И всё же закравшиеся в душу сомнения не давали покоя. Захотелось позвонить Антоновой. Но, с другой стороны, у меня не было возможности с ней спокойно посплетничать, тут же вмешаются Виктор и Глеб. Особенно Глеб. Он просто обожает слушать чужие разговоры и попутно давать нравоучительные советы.

Однако молчать я не могла. Отбросив вязание в сторону, я потихоньку стащила из комнаты телефон и закрылась в ванной, включив воду для конспирации. Бодрый голос Антоновой меня порадовал. Я прикрыла рот рукой и негромко сказала:

– Привет, мне тут поговорить с тобой надо.

– Ты что, на сталелитейном заводе что ли? – гаркнула в трубку Светка. – Что за шум?

– Это я рядом с краном стою.

– На стройке? – ужаснулась Антонова.

– В ванной я, дура! – выпалила я, взбешённая её тупоумием. – У меня конспирация.

– Ни черта себе конспирация, – фыркнула Светка. – Тебе, деточка, надо краны менять.

Если тебе вдруг приспичит ночью помыться, то твои бедные соседи решат, что ты притащила домой трактор.

– Во-первых, ночью у нас отключают воду, – раздражённо пояснила я, – а во-вторых, не об этом я хотела поговорить с тобой, Антонова!

– Ну, в чём дело? – снисходительно протянула Светка, позволив мне перейти к делу.

И я перешла. Выложила всё как на духу, все свои мысли и соображения по поводу этой истории, на что получила лаконичный ответ подруги:

– Идиотка! Козлова, у тебя определённо что-то с головой. Вы, кстати с Витькой ещё не того? – получив отрицательный ответ, Антонова со знанием дела добавила: – И с гормонами у тебя тоже проблемы. Дисбаланс. Тебе надо развеяться.

– Мы как раз завтра едем на шашлыки, – напомнила я.

– Вот и отличненько, – обрадовалась Светка. – Расслабитесь. Заткнёте бдительность Глеба куском свинины и отправитесь на обследование первых весенних кустов.

– Во-первых, не свинины, а баранины, – поправила я. – А во-вторых, какая же ты пошлая!

– Это правда жизни, – уныло сказала Антонова.

– То, что ты пошлячка? – не замедлила съязвить я.

– Ты знаешь, о чём я, – спокойно ответила Антонова, ни капельки не обидевшись. – Желаю удачно провести выходные.

Я положила трубку, выключила воду и покинула место конспирации. Пропажа телефона с его обычного места пребывания не осталась незамеченной. Однако и Глеб, и Виктор сделали вид, что ничего не поняли.

Я снова вернулась к вязанию, и снова на меня напали мысли. Нет, это определённо: мелькание спиц в руках провоцирует мозговую деятельность. Вот, например, чего я тут себя мучаю, когда можно просто подойти к Виктору и спросить, есть ли у него сестра. Но спросить не прямо в лоб, чтобы не вызвать у него подозрений, а как-нибудь в обход. Однако когда я попробовала это сделать, выяснила только одно: если мужчина смотрит футбол, лучше его не трогать, даже если это вопросы жизненной важности. Если бы знала раньше, спокойно поговорила бы с Антоновой на кухне. Всё равно никто бы ничего не услышал.

В общем, я решила отложить этот разговор назавтра. Во-первых, Виктор будет полностью принадлежать мне, а не футболу, а во-вторых, он уже будет порядком подшофе, так что, думаю, мне удастся разговорить его.

Утром следующего дня мы загрузили весь приготовленный для пикника провиант в бело-снежную «десятку» и поехали за город. Виктор выбрал замечательное место на берегу небольшой речушки. Я подивилась такому знанию местных окрестностей и спросила:

– Вить, а откуда ты знаешь про эти места? Ты же вроде бы из Тамбова.

– Так я же жил здесь раньше, – охотно пояснил Виктор. – По-моему, я уже говорил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.